

М.Т. Валиев

МАКС И РИХАРД ФАСМЕРЫ — ВРЕМЯ И СУДЬБЫ

Настоящей статьей мы продолжаем серию очерков о судьбах выпускников знаменитой петербургской гимназии Карла Мая¹. На этот раз героями нашего рассказа станут два брата, два «майских жука» выпуска 1903 и 1906 гг. — Макс-Юлий-Фридрих Рихардович Фасмер (1886–1962) и Рихард-Вильгельм-Георгий Рихардович Фасмер (1888–1938).

Рис. 1. Макс Фасмер (1886–1962)

Рис. 2. Рихард Фасмер (1888–1938)²

Первое десятилетие XX в. можно считать периодом наивысшего расцвета школы Карла Мая. Заслуженная репутация одного из лучших средних учебных заведений имперской столицы подтверждалась плеядой знаменитых выпускников³. Как никогда был силен педагогический коллектив школы, свято чтивший заветы отца-основателя гимназии Карла Мая. В 1890 г. после выхода в отставку К.И. Мая школу возглавил ее ровесник, выпускник 1876 г. В.А. Кракау (1857—1935). С 1906 г. третьим по счету и первым выборным директором гимназии стал талантливый педагог, хранитель майских традиций А.Л. Липовский (1867—1941). В том же 1906 г. школа весело отметила свой 50-летний юбилей⁴, в 1910 г. торжественно переехала в новое здание на 14-ю линию Васильевского острова⁵.

К сожалению, ситуация за стенами школы резко отличалась от благополучного и спокойного течения школьной жизни. Начало XX в. омрачалось возрастающим социальным напряжением, революционными потрясениями, крайне неудачной Русско-японской и надвигающейся Первой мировой войнами. В российском обществе возрастали антинемецкие настроения, что не могло не отразиться на традиционно считавшейся немецкой школе Карла Мая. Спокойная и доброжелательная позиция педагогического коллектива гимназии старательно ограждала юношей от опасностей мятежных настроений. Конечно, в воспоминаниях выпускников школы встречаются рассказы о бунтарских всплесках, отказах от уроков немецкого языка, обструкции преподавателей-немцев, но, обладая мощными демократическими традициями, провозглашая своими главными принципами уважение и любовь к питомцам, школа Карла Мая счастливо избегала крупных внутренних конфликтов и потрясений.

Однако противостоять тяготам внешнего мира и не зависеть от них не может ни одно, даже самое благополучное, учебное заведение. В большинстве своем печально выглядят судьбы предреволюционных выпускников нашей школы. К сожалению, самыми востребованными источниками информации о жизненном пути «майских жуков» выпуска 1900—1918 гг. являются два издания — сборник некрологов российской эмиграции «Незабытые могилы»⁶ и база данных «Жертвы политического террора в СССР»⁷. Выпускники одной из лучших петербургских школ в большинстве своем оказались чуждыми новой власти по сословному, имущественному, конфессиональному, национальному, а главное — образовательному и, если можно так сказать, воспитательному цензу. И хотя к началу XX в. школа Карла Мая уже

давно не имела статуса сугубо национальной и тем более элитной школы, сама система образования, ставившая во главу угла воспитание свободно мыслящих, широко образованных и патриотичных юношей, была чужда новому строю. Печальная статистика фиксирует, что из 10 предреволюционных выпускников гимназии и реального училища Карла Мая только 1–2 бывших ученика школы перешагнули 50-летний рубеж в пределах многострадального Отечества. Остальные либо эмигрировали, либо погибли на фронтах Первой мировой войны, сгинули в революционной «мясорубке» и последовавшей за ней Гражданской войне, были репрессированы в 30–40-е годы.

Многие семьи оказались разделенными непреодолимым «железным занавесом» и навсегда потеряли связь друг с другом. Не редкой была ситуация, когда один брат оставался в пределах Советской России, другой — навсегда покидал Родину. Таковы судьбы братьев Владимира (1882–1951) и Бориса (1885–1945) Константиновичей Рерихов, Павла (1894–1956) и Сергея (1897–1971) Тимофеевичей Павловых, Карла (1885–1943) и Альберта (1888–1974) Александровичей Бенуа и в том числе героев настоящей статьи — Макса и Рихарда Фасмеров. Трудно сказать, что судьбы эмигрантов были более счастливыми и успешными. Скорее всего, в этом случае более уместно использовать словосочетания «более продолжительными» и «менее трагичными». Многие вынужденные эмигранты, даже будучи этническими немцами, тяжелейшим образом переживали разлуку с Россией, большинство считали ее своей Родиной, некоторые сохранили русский язык во втором и третьем поколении!

Сейчас Музей истории школы Карла Мая ведет переписку на русском языке с потомками выпускников гимназии Иессенов, Шлиссеров, Гриммов, Цейдлеров, живущих в Австралии, Канаде, Германии. С тяжелым сердцем приходится признать, что судьба выпускников гимназии — этнических немцев — в основном представителей привилегированных классов аристократии, купечества, художественной и научной интеллигенции, в Советской России зачастую складывалась печально.

Вернемся к героям нашего очерка. Отец братьев Фасмеров, Рихард Юлий Фридрих Фасмер, принадлежал к купеческому сословию, переселился в Россию в молодом возрасте и на момент рождения младшего сына сохранял германское подданство. В билете на жительство в Российской империи, выданном в Санкт-Петербурге 10 января 1903 г., сказано, что подданный Германии бухгалтер Рихард Юлий

Фридрих Фасмер родом из Альтона⁸, водворен в пределы России с женою Амалией и детьми — Марией (17 лет), Максом (16 лет) и Рихардом (13 лет), все евангелически-лютеранского вероисповедания. Переезд семьи Фасмер в Россию состоялся не позднее 1886 г., что подтверждается метрической записью о рождении старшего сына, зафиксированной в Санкт-Петербургской евангелическо-лютеранской церкви Св. Екатерины⁹: «1886 г. 15 февраля в 11 часу дня родился в Санкт-Петербурге и 1886 г. 29 июня окрещен Макс-Юлий-Фридрих Рихардович Фасмер. Родители: купец Рихард Юлий Фридрих Фасмер и его жена Амалия Мария Юлия, урожденная Шауб». Восприемниками Макса Фасмера записаны аптекарь Фридрих Фасмер, жена архитектора Юлия Шауб, купец Юлий Шульц и его жена Анна, урожденная Фасмер. Младший сын четы Фасмер, Рихард, согласно метрической записи той же церкви, родился 9 октября 1888 г. в 11 часов утра и был окрещен 16 января 1889 г. Восприемниками значатся вдова учителя математики Матильда Фоке, урожденная Шауб, архитектор Вильгельм Шауб-младший и вдова аптекаря Эмма Венк, урожденная Фасмер. Фамилии и профессии восприемников позволяют говорить о многочисленном родственном клане Фасмеров—Шауб, занимающемся достаточно уважаемыми и прибыльными «бизнесами» — фармацевтикой, торговлей, архитектурой и педагогикой.

Семья Фасмеров к моменту начала школьного периода проживала в Тучковом переулке Васильевского острова. Вполне закономерно родители братьев Фасмеров выбрали для своих детей школу Карла Мая¹⁰, которая пользовалась заслуженной популярностью у «василеостровских немцев»¹¹. В 1896 г. первым из братьев порог школы переступил Макс Фасмер. Будущий академик начал учебу во втором классе гимназического отделения школы. Среди его одноклассников можно упомянуть будущего архитектора Бориса Константиновича Рериха (1885—1945), младшего брата знаменитого художника; будущего хирурга Александра Ивановича Эберта (1883—1938), расстрелянного в 1938 г.; будущего юриста, сына убитого эсерами уфимского губернатора Модеста Николаевича Богдановича (1883—1937), расстрелянного в 1937 г.; сына законоучителя гимназии Карла Мая, золотого медалиста Василия Дмитриевича Падалку (1884—?); будущего врача, наследника знаменитого купеческого дома Григория Григорьевича Елисеева (1885—1938), расстрелянного в 1938 г.; члена знаменитой семьи Бенуа, будущего миколога Карла Александровича Бенуа (1885—1943), расстрелянного в 1943 г.

В 1898 г. вслед за Максом Фасмером «к Маю» поступил его младший брат Рихард. В одном классе с ним учатся: сын генерала флота, будущий гидрограф Николай Петрович Вагнер (1888–1938), расстрелянный в 1938 г.; будущий инженер-технолог, призер IX Олимпийских игр¹² Николай Алексеевич Векшин (1887–1951), погибший в лагере в 1951 г.; младший сын убитого эсерами уфимского губернатора, будущий юрист Константин Николаевич Богданович (1887–?), репрессированный в 1938 г.; золотой медалист, сын профессора, будущий математик Александр Александрович Кракау (1887–1918), мобилизованный во время Первой мировой войны и скончавшийся в госпитале; золотой медалист, будущий педагог и директор нашей школы Вениамин Аполлонович Краснов (1888–1941)¹³, умерший от голода в блокадном Ленинграде; серебряный медалист, будущий юрист Георгий Викторович Лампе (1886–1937), расстрелянный в 1937 г.; будущие юристы братья Кутлеры — серебряный медалист Константин (1888–1941) и Николай (1887–1972).

Просим простить автора за столь подробный и длинный перечень: хотелось таким образом подтвердить заявленную в начале статьи печальную статистику судеб предреволюционных выпускников школы Карла Мая.

И снова возвращаемся к героям рассказа. Пять лет братья Фасмеры посещали школу вместе. Максу трудно давалась физика, Рихард учился более успешно. В 1903 г. Макс завершает среднее образование со средним баллом 3,8¹⁴. Отличными оценками отмечены Закон Божий, математическая география и немецкий язык, скромные удовлетворительные оценки стоят в графах «физика» и «русский язык». Последнее выглядит совершенно удивительным, учитывая будущую блистательную карьеру филолога и слависта. В прилагаемом к аттестату кондунте ученика гимназии К. Мая зафиксировано, что «Макс-Юлий-Фридрих Рихардович Фасмер записей в штрафных журналах не имеет и за все время пребывания в Гимназии был поведения отличного».

Более хорошие результаты зафиксированы в аттестате младшего брата — Рихард окончил гимназию в 1906 г. с серебряной медалью и средним баллом 4,7¹⁵.

Следует отметить, что к моменту окончания школы оба брата сохраняют германское подданство. В 1903 г. к заявлению о приеме в число студентов историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета Макс Фасмер прилага-

ет национальный паспорт подданного Германии. Присягу на подданство России будущий автор «Этимологического словаря русского языка» принял только 7 мая 1907 г.¹⁶, в год окончания университетского образования. Уже в студенческие годы Макс Фасмер проявляет устойчивый интерес к вопросам языкознания и лексикографии славянских языков. Одна из первых работ на эту тему «Смешение языков и заимствование в языке», являвшаяся печатным вариантом его лекции, прочитанной в университете, была опубликована в ежегодном школьном отчете за 1910 г.¹⁷ В достаточно юном для ученого 18-летнем возрасте М. Фасмер опубликовал и первую фундаментальную работу «Греко-славянские этюды»¹⁸, посвященную греческим заимствованиям в церковнославянском и русском языках. Первая часть этой работы появилась в 1906 г., еще до окончания Максом Фасмером университета, вторая и третья части — в 1907 и 1909 гг. По мнению специалистов¹⁹, работа, до сих пор оставшаяся непревзойденной, сделала 23-летнего М. Фасмера знаменитым ученым.

Интересно отметить, что именно в это время М. Фасмер вновь преступает порог родной школы, на этот раз в качестве преподавателя немецкого языка. Скорее всего, молодой человек таким образом пополнял свой скромный бюджет. Период преподавания в школе был кратким, «альма-матер» помогла одному из своих питомцев «встать на ноги», и с 1910 г. Макс Фасмер смог полностью посвятить себя науке. С одной небольшой оговоркой: в сентябре 1910 г. *«Максим Романович Фасмер и Цезария Ивановна, урожденная Бодуэн де Куртенэ, имели честь известить, что бракосочетание их состоялось 12 сентября 1910 г. в Витовте в Западной Галиции»*²⁰.

Не менее благополучно складывалась карьера Рихарда Фасмера. В 1906–1907 гг. серебряный медалист школы Карла Мая продолжил учебу в Лейпцигском университете. После прослушивания двух курсов высшей немецкой школы младший брат возвратился в Санкт-Петербург и 16 августа 1907 г. подал документы в Императорский Санкт-Петербургский университет на арабско-персидско-турецко-татарское отделение факультета восточных языков²¹. 6 октября 1910 г. Рихард Фасмер окончил университетский курс наук и приказом по Министерству Императорского двора от 20 февраля 1911 г. был числен к Императорскому Эрмитажу. Удивительно, но экзотический перечень «арабско-персидско-турецко-татарского» языков показался молодому востоковеду недостаточным, и в 1911 г. коллежский секретарь Фасмер подает повторное прошение на имя ректора университе-

та с просьбой о зачислении его «в число вольнослушателей факультета восточных языков разряда еврейско-арабско-сирийского». Поразительная работоспособность позволила молодому лингвисту освоить редкий набор восточных языков и стать воистину редчайшим специалистом.

К переломному 1917 г. братья Фасмеры были перспективными и во многом уже состоявшимися учеными. Макс Фасмер занимал пост профессора Саратовского университета, Рихард — важный пост в отделе нумизматики Эрмитажа.

К сожалению, размеренное течение жизни было нарушено трагическими событиями: война, революция и последовавшая эмиграция Макса Фасмера за пределы России навсегда разлучили братьев. После 1917 г. М. Фасмер преподавал в Тарту, Лейпциге, Берлине и Стокгольме, проживал в Германии и стал крупнейшим исследователем этимологии индоевропейских, финно-угорских и тюркских языков, автором ряда фундаментальных трудов, среди которых особое место занимает уникальный четырехтомный «Этимологический словарь русского языка»²². Пока еще не прекращались связи с Россией — в 1924 г. «историк славянской музыки» prof. Dr. Max Vasmer обращается к профессорам Римскому-Корсакову²³ и Преображенскому²⁴ с предложением об участии в издании истории музыки славянских народов²⁵. В 1928 г. Макс Фасмер был избран иностранным членом Академии наук СССР.

Поначалу благополучной выглядела и судьба младшего брата. С 1920 г. Рихард Рихардович Фасмер — хранитель восточных монет Эрмитажа, член Академии истории материальной культуры и секретарь Постоянной комиссии нумизматики и глиптики. В 1929 г. он был избран иностранным членом Академии наук, истории и древностей Швеции. В советской и зарубежной печати им было опубликовано более 50 работ по вопросам восточной нумизматики. Разработанная Р. Фасмером периодизация обращения в Восточной Европе куфических дирхемов с некоторыми уточнениями принята в науке и сейчас.

Великое лицемерие власти заключалось в том, что, награждая одного из братьев званием иностранного члена Академии наук СССР, почти в то же самое время, в январе 1934 г., власть фабрикует дело Российской национальной партии (РНП)²⁶, по которому был арестован и осужден другой брат, не менее талантливый ученый, востоковед Рихард Фасмер. Более того, в вину младшему брату были поставлены

постоянные связи с границей, то есть с его родным братом, к тому времени уже иностранным членом Академии наук СССР Максом Фасмером!!! С 1928 г. Макс Фасмер жил в Германии, на следствии его объявили «национал-социалистом», а его младшего брата — «передаточным звеном нелегальной связи между центром РНП с фашистскими кругами». Как следует из материалов дела, в вину ученому-востоковеду ставились три реальных факта, по общему обыкновению интерпретированных следственными органами в нужном духе. Во-первых, это постоянная переписка с братом и другими жившими в Германии родственниками — следствие уделило большое внимание тому факту, что летом 1933 г. Рихард Фасмер по просьбе брата обращался к пастору еще действовавшей тогда в Ленинграде лютеранской церкви за подтверждением арийского происхождения М. Фасмера, а затем переслал в Берлин полученную справку с пометкой «к использованию в Советской России не подлежит». Во-вторых, это посещение его квартиры в 1923 г. сотрудницей германского посольства (по другим сведениям, сестрой сотрудника посольства), слушавшей в университете лекции М. Фасмера и предлагавшей семье его брата помочь с выездом в Германию. Этот визит был описан как «передача шпионских сведений». В-третьих, стало известно, что М. Фасмер передавал деньги для брата через посетившего Германию академика В.И. Вернадского, что интерпретировалось как финансирование подпольной организации.

Следует отметить, что по этому же делу РНП был арестован и бывший преподаватель русского языка и словесности в гимназии и реальном училище К. Мая, публицист и историк литературы Василий Николаевич Кораблев (1873—1935), которого приговорили к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, заменив ссылкой в Алма-Ату, где он и скончался в 1935 г. С учетом того, что В.Н. Кораблев преподавал в школе К. Мая в 1897—1914 гг., можно сказать, что роковое стечение обстоятельств свело вместе учителя и его ученика в несправедное время на несправедном судилище.

2 апреля 1934 г. Р.Р. Фасмер был осужден на 10 лет с заменой лагеря на ссылку в Ташкент. Умер невинно осужденный талантливый востоковед, нумизмат Рихард Рихардович Фасмер 22 февраля 1938 г. в Отдельном лагере трудового перевоспитания № 19 УМВД Узбекской ССР. Встречающаяся в литературе дата его смерти — 1936 г. — неверна²⁷. По злой иронии судьбы Рихард Фасмер упокоился в земле Сасанидов, земле куфических кладов, которые всю жизнь были пред-

метом его научных интересов. Все наши попытки найти место его захоронения в Узбекистане не увенчались успехом.

Трагической заключительной нотой звучит выписка из дела о реабилитации знаменитого ученого: «...каких-либо объективных доказательств виновности лиц, привлеченных по делу, не имелось, а материалы дополнительной проверки свидетельствуют о фальсификации дела путем вымогательства личных признаний арестованных и оговора ни в чем не повинных лиц»²⁸.

Подробная научная биография Макса Фасмера безупречно изложена в очерке М.И. Чернышевой²⁹. Хочется поблагодарить автора за отличный стиль, бережное отношение к фактам и объективную оценку трудов ученого.

Вряд ли можно назвать жизнь Макса Фасмера счастливой и безоблачной. В его жизни были серьезные испытания и потери — эмиграция, жизнь в нацистской Германии, борьба за освобождение из концлагерей своих коллег, отстаивание своих антирасистских позиций, потеря бесценной картотеки в результате бомбежки в 1944 г., смерть близких людей. Что помогло выстоять и созидать этому удивительному человеку? Думается, что главным счастьем своей жизни он считал возможность познавать и творить. Это составляло смысл и цель его существования. Это оправдывало потери и давало силы для их преодоления. В 1947–1949 гг. всеми признанный ученый, действительный член Саксонской и Прусской академий, член АН Стокгольма и Копенгагена, иностранный член АН СССР собственноручно, без чьей-либо помощи, за два года восстановил свой погибший картотечный материал!

Позволим себе процитировать три выдержки из работы Олега Николаевича Трубачева³⁰, редактора отечественного издания знаменитого «Этимологического словаря» Макса Фасмера: «Вся дальнейшая жизнь М. Фасмера показала, что наука и политика в его понимании независимы. Он всегда был образцом объективности научных суждений, и когда позже, в разгар нацизма в Германии, делались попытки научных фальсификаций во имя политики, М. Фасмер их решительно пресекал...

...По рождению, по культуре, приобретенной в детстве, по образованию он был русским человеком, ученым, сохранившим верность русской теме до конца жизни. Он был филологом русской школы.

...Русская классическая русистика и славистика имеют право считать М.Р. Фасмера своим, и это не парадокс, а феномен сложной культурной истории».

Макс Фасмер прожил долгую жизнь и скончался 30 ноября 1962 г. в Западном Берлине.

Мы рассказали о судьбах двух братьев, двух неординарных выпускников школы Карла Мая. Какие цели преследует наша публикация? Думаю, можно указать три главные.

Во-первых, это желание устранить историческую несправедливость по отношению к незаслуженно забытому младшему брату, Рихарду Фасмеру. Традиционно менее успешные, менее известные братья находятся в тени своих общепризнанных родственников. Это относится и к уже упомянутым в начале статьи Борису и Владимиру Константиновичам Рерихам, микологу Карлу Александровичу Бенуа, гидробиологу Григорию Петровичу Горбунову (1894–1942), брату первого секретаря Совнаркома академика АН СССР Николая Петровича Горбунова (1892–1938) и многим, многим другим «братьям». Настоящая статья ликвидирует одно из «белых пятен» нашей общей истории.

Во-вторых, жизнеописание братьев Фасмеров дает возможность рассказать о типичных и очень непростых судьбах немецкой диаспоры России в начале—середине XX в. Две биографии предоставляют хороший материал для понимания трагических и обоюдных потерь в результате классового и национального противостояний, двух войн и двух революций. Можно представить какие невосполнимые потери понесла отечественная культура от этих потрясений. С этой же целью приведены краткие списки-мартирологи двух школьных выпусков.

И наконец, третьей целью публикации является попытка напоминания о таких ныне угасающих качествах, как трудолюбие, честность и самоотречение. Многие из этих качеств провозглашались и счастливо воплощались в педагогических принципах школы Карла Мая, многие из них дали плодотворные и многочисленные всходы в делах, трудах и мыслях «майских жуков». Напомним одну из главных заповедей школы Мая: «Главная задача наставника — приготовить юношу к труду, полезному для общества!»

Основные труды М.Р. Фасмера (M. Vasmer)

1. Греко-славянские этюды. I // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1906. № 9.

2. Греческие заимствования в старославянском языке // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1907. № 3, 12.

3. Греческие заимствования в русском языке // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1909. Т. 86.

4. Kritisches und Antikritisches zur neueren slavischen Etymologie. Teil I und II // Rocznik Slawistyczny (RS).

5. Исследования в области древнегреческой фонетики. Пг., 1914.

6. Ein russisch-byzantinisches Gesprächbuch. Leipzig, 1922.

7. Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1950–1958.

8. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4 (рус. пер.).

9. Grundriss der slavischen Philologie und Kulturgeschichte / Herausgeber zusammen mit R. Trautmann. Berlin; Leipzig, 1925–1933. Bd. 1–12.

Основные труды Р.Р. Фасмера (R. Vasmer)

1. Куфические монеты Переяславского клада. Пг., 1914.

2. Клад куфических монет, найденных в Новгороде в 1920 г. // Известия РАИМК. Л., 1925. Т. 4. С. 267–268.

3. Завалишинский клад куфических монет VIII–IX вв. // Известия ГАИМК. Л., 1931. Т. 7, вып. 2. С. 12.

4. Die kufischen Muenzen des Fundes von Luurila, Kirchspiel Hattula // Finska forminneefoereningens tidskrift. Helsinki, 1927. № 3.

5. Ein im Dorfe Staryi Dedin in Weisrussland gemachter Fund kufischer Muenzen. Stockholm, 1929. P. 26–28.

6. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики находок ГАИМК. 1920–1925 гг. // Сообщения ГАИМК. Л., 1927. № 1. С. 287–308.

7. Список монетных находок // Сообщения ГАИМК. Л., 1929. № 2. С. 281–324.

8. О двух редких золотых монетах делийских султанов // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1927. Вып. 4. № 33. С. 45–52.

1. Благоев Н.В. Школа на Васильевском острове. СПб., 2005. Ч. 1.

2. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 15. Д. 3078. Л. 2.

3. Среди бывших учеников школы: ректоры университета Д.Д. Grimm и Э.Д. Grimm, губернаторы А.Д. Зиновьев, М.В. Арцимович, С.Н. Корф и М.В. Иславин, сенаторы Г.В. Кастриото-Скандерберг-Дрекалович и И.Н. Лодыженский, министры внутренних дел А.А. Макаров и

Д.С. Сипягин, генерал от инфантерии Н.А. Епанчин, генерал-лейтенант флота А.В. Варнек, генерал-майоры флота П.В. Вагнер и Н.Ф. Фогель, контр-адмиралы И.В. Коссович и П.В. Римский-Корсаков, вице-адмиралы Н.Р. Греве и В.В. фон Линдстрем, академики архитектуры Г.Д. Гримм, А.А. Бруни, Н.А. Шильдкнехт и Ю.Ю. Бенуа, академики Академии художеств Н.А. Бруни, Н.К. Рерих, В.А. Серов и К.А. Сомов, художники А.Н. Бенуа, А.Е. Яковлев и многие другие государственные и военные деятели, корифеи культуры и науки.

4. Пятидесятилетие школы К.И. Мая. СПб., 1907.

5. Новое здание школы К. Мая было построено в 1910 г. по проекту выпускника гимназии 1883 г., академика архитектуры Г.Д. Гримма.

6. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999: в 6 т. / сост. В.Н. Чуваков. М., 1999–2004.

7. Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://lists.memo.ru/>

8. Небольшой городок в окрестностях Гамбурга (Германия).

9. Санкт-Петербургская евангелическо-лютеранская церковь Св. Екатерины располагается по адресу: Васильевский остров, Большой проспект, д. 1а.

10. С 1861 по 1910 г. Гимназия и Реальное училище К. Мая находилась по адресу: Васильевский остров, 10-я линия, д. 13.

11. Вплоть до 1917 г. в С.-Петербурге существовала идиома «василеостровский немец». Обычно это «почетное звание» служило символом добропорядочности, трудолюбия, благополучия и солидности.

12. В 1928 г. Николай Векшин в составе сборной Эстонии принял участие в Девятом летних Олимпийских играх. Под его руководством команда заняла III место в Олимпийской парусной регате.

13. В.А. Краснов в 1921–1929 гг. возглавлял 217-ю СЕТШ, школу-наследницу гимназии К. Мая.

14. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 15. Д. 3078. Л. 2.

15. Там же. Л. 19.

16. РГИА. Ф. 1284. Оп. 105. Д. 124. Л. 42.

17. *Благово Н.В.* Школа на Васильевском острове. СПб., 2005. Ч. 1. С. 216–217.

18. Греко-славянские этюды. I // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1906. № 11.

19. *Чернышева М.И.* Макс Фасмер (1886–1962). Очерк жизни и деятельности М. Фасмера // Отечественные лексикографы XVIII–XX вв. / под ред. Г.А. Богатовой. М., 2011.

20. РГИА. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 351.

21. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 15. Д. 3078. Л. 17.

22. *Russisches etymologisches Wörterbuch.* Heidelberg, 1950–1958.

23. С большой степенью уверенности можно утверждать, что речь идет о Георгии Алексеевиче Римском-Корсакове (1891?–1971), музыковед, исто-

рике балета и однокашнике Макса Фасмера по гимназии К. Мая (учился в школе К. Мая в 1901–1904 гг.).

24. А.В. Преображенский (1870–?) — знаток духовной музыки, писатель, автор «Словаря русского церковного пения» (М., 1897).

25. РГИА. Ф. 1109. Оп. 1. Д. 109.

26. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Дело славистов. 30-е годы. М.: Наследие, 1994.

27. Там же.

28. Определение № 1179-Н-56 Военного трибунала ЛВО от 28 ноября 1956 г.

29. Чернышева М.И. Макс Фасмер (1886–1962). Очерк жизни и деятельности М. Фасмера // Отечественные лексикографы XVIII–XX вв. / под ред. Г.А. Богатовой. М., 2011. С. 238–252.

30. Трубачев О.Н. Из работы над русским Фасмером // Вопросы языкознания. 1978. № 6.